

Андрей Кивинов

Зона личной безопасности

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
К38

Серия «Мастера криминальной прозы»
Оформление обложки: *Юлия Межова*

Кивинов, Андрей Владимирович
К38 Зона личной безопасности. Испытательный срок / Андрей Кивинов.— Москва: Издательство АСТ, 2015.— 379, [2] с.— (Мастера криминальной прозы).

ISBN 978-5-17-091435-7

Новобранец отдела собственной безопасности полиции Роман Фокин проходит испытательный срок. Первое же дело ставит его перед серьезным выбором. Человек, спасший ему жизнь, подозревается в убийстве. И теперь только от Фокина зависит, будет ли преступление раскрыто и останется ли он в рядах борцов с оборотнями...

Не существует испытательных сроков. Каждый день жизни — испытание.

Подписано в печать 15.04.15.
Формат 70 x 90 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 14,04.
Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© А. Кивинов, 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Уважаемый читатель! Если по какой-либо причине вы не смогли прочитать книгу первую «Идеальный охотник» и вторую «Тревожная кнопка» трилогии «Зона личной безопасности», ниже приводится список и краткие тактико-технические характеристики основных действующих лиц.

Бойков Николай Васильевич — 33 года, майор полиции, старший оперуполномоченный отдела собственной безопасности полиции города Юрьевска. Человек со скачущим либидо и смещенным центром тяжести, говоря проще — ортодоксальный бабник, не желающий связывать свою счастливую жизнь с постоянной спутницей. В оперативной работе любит нестандартные комбинации, несмотря на то что те иногда приводят к нестандартным последствиям.

Горина Ольга Андреевна — 30 лет, майор полиции, старший оперуполномоченный отдела собственной безопасности. Женщина непро-

стого характера и как следствие сложной судьбы. В полицейских кругах имеет прозвище Графиня от слова «полиграф». Сотрудники, которых она курирует, воспринимают ее исключительно в негативном свете. Все, кроме Копейкина (см. ниже).

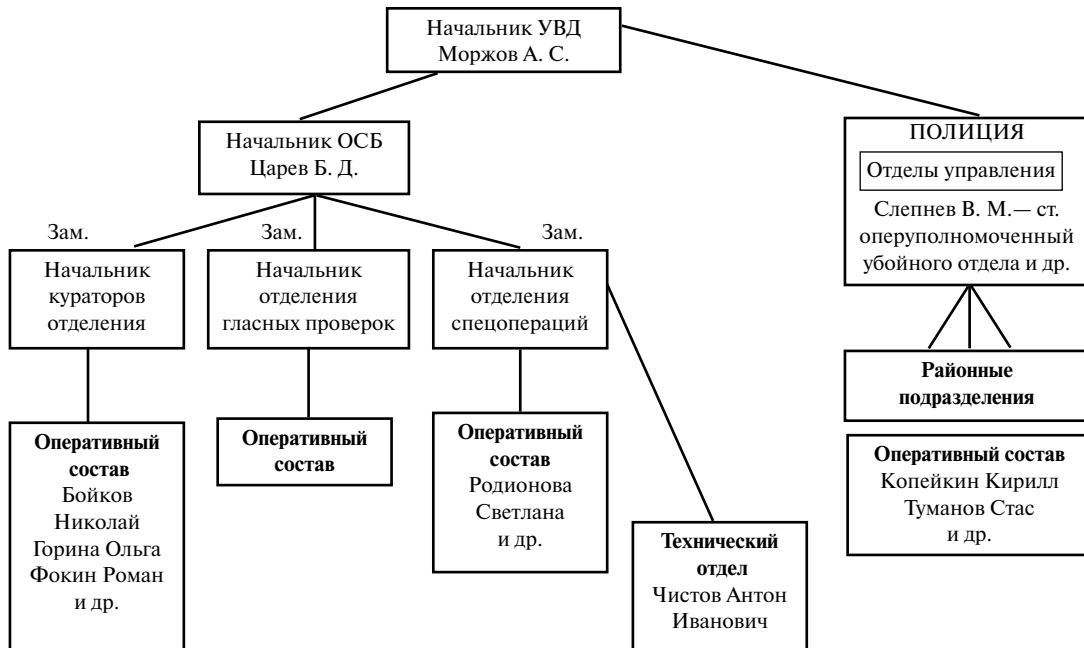
Родионова Светлана Юрьевна — 28 лет, оперативник отдела специальных операций ОСБ города Юрьевска, выпускница Средней специальной школы милиции. Имея симпатичную внешность, нагло пользуется этим в ходе проведения разовых внедрений и оперативных установок. Вынуждена жить двойной жизнью — по приказу никто, кроме самых близких родственников и коллег, не должен знать о месте ее работы. В силу чего — полная личная неустроенность.

Царев Борис Дмитриевич — 47 лет, полковник полиции, начальник отдела собственной безопасности города Юрьевска. Имеет массу заслуг перед отечеством и еще большую массу прозвищ. Самые популярные Царь Борис, БиДе, Царь-пушка или просто Боря. Непримируемый борец с оборотнями, старается жить по совести, поэтому до сих пор не приобрел личную машину. Крепкий семьянин из двухкомнатной квартиры. Жена, дочь, больная спина.

Копейкин Кирилл Павлович — 32 года, капитан полиции, старший оперуполномоченный уголовного розыска территориального (Северного) отдела полиции. Бывший мотогонщик, в разводе, есть сын. Подозревается в ликвидации преступных лидеров, а в целом неплохой специалист, но слишком эмоционален, поэтому втихаря жрет антидепрессанты. Имеет нетрадиционные отношения с Гориной и традиционные с Бойковым. Последний мечтает его посадить, поквитавшись за личную обиду.

Чистов Антон Иванович — 50 лет, кандидат технических наук, мастер-умелец, отвечающий за шпионскую технику в ОСБ. В широких научных кругах известен тем, что подключил к Интернету утюг и обновил его до последней версии.

Слепнев Виктор Михайлович — 35 лет, майор полиции, оперативник отдела по раскрытию убийств при Управлении внутренних дел города Юрьевска. Сам ничего давно не раскрывал, но курирует раскрытие другими резонансных убийств. Любит творчество Михаила Круга, особенно песню про централ. Кругл лицом и животом. Одним словом — эталон.

*Автор выражает
глубокую признательность
Игорю Галанову, Алексею Редозубову
и Петру Соколову*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ящерка пулей промчалась через песчаную дорожку, скрылась в мокрой траве и через пару секунд вынырнула возле покосившейся бетонной балки, вкопанной в землю. Подняла головку, осмотрелась и вскарабкалась по ней на полутораметровую высоту, словно человек-паук на небоскреб. Балка служила опорой стенда «Лучшие по профессии», сохранившегося со времен неразвитого социализма. Заголовок походил на древние письмена майя, а с обрамляющих его чугунных веток то ли пальмы, то ли чертополоха давно осыпалась бронзовка. Ящерка пересекла стенд по диагонали, оставив едва заметные мокрые следы на ликах лучших профессионалов, после чего замерла на вершине, наслаждаясь выглянувшим из-за тучки кавказским солнышком.

Наверное, бедняга стенд давным-давно превратился бы в мусор и пошел на дрова, если б не контртеррористическая операция, вдохнувшая в подгнившие доски и бетонную балку новую жизнь. Правда, назначение его теперь коренным образом изменилось. Ныне со стенда сурово глядели в мир бородатые физиономии объявленных в федеральный розыск так называемых повстанцев местного разлива. Анфас и в профиль, как и полагается в особо тяжких случаях. Под снимками содержался краткий перечень героических деяний, благодаря которым каждый из них имел полные основания считаться лучшим в своей профессиональной области,— заголовок стенда отрядные юмористы решили не менять. И за каждое деяние можно смело ставить профессионалов к стенке.

Ночью прошел дождь, и лица на ориентировках осунулись от пропитавшей их влаги. Казалось, ударники террористического труда наелись лимонов. Мысль о том, что они способны морщиться от стыда за содеянное, в голову никому не приходила.

Рома улыбнулся. Он уже второй месяц здесь, на Северном Кавказе, в лагере сводного отряда УВД города Юрьевска, и brutальные физиономии лесных братьев успели осточертеть. А сейчас они трансформировались и

напоминали страдальцев, клянчивших милостыню.

Он размял кисти рук, сделал пару приседаний и наклонов. Выпустил тельняшку поверх спортивных штанов. Поднял с травы ракетку и принялся набивать шарик.

Глеб закончил вытирать ветошью сооруженный из подручных материалов теннисный стол и тоже принялся разминаться, только более обстоятельно, словно готовился к районному турниру. Упражнения на растяжку, на пресс...

Зрителей на поединке не будет. Среди всего отряда только Рома и Глеб играли в настольный теннис. Последний, собственно, их познакомил и сблизил. Еще там, в Юрьевске. Встретились год назад в зале при милицеевской спортивной базе. Приходили два раза в неделю и рубились до синевы в глазах. Иногда принимали участие в ведомственных турнирах. Сближению способствовали и профессиональные интересы — оба работали операми криминальной полиции, хотя и в разных отделах. Иногда пересекались по службе — районы соседние, волей-неволей столкнешься. Близкими друзьями их назвать было нельзя, но дни рождения отмечали вместе.

— Ну зачнем, пожалуй... — кровожадно улыбнулся Глеб, сбросив с широких плеч ка-

муфляжную куртку и тоже оставшись в тельняшке.

Рома в который раз с завистью оценил рельефную мускулатуру приятеля, получившего в отряде прозвище Халк. Популярные Рэмбо, Рокки, Гоблин и Щварц оказались заняты. Халк — приклеилось, но употреблялось только здесь. В мирной жизни его звали либо по имени, либо Туманом, от фамилии Туманов. Отрядное прозвище отражало не только некую внешнюю схожесть с героем комикса. Глеб и по натуре походил на зеленого монстра. Неразговорчивый, с постоянным угрюмым выражением лица, словно у шахтера, пятый месяц сидящего без зарплаты. При этом типичный холерик — порой взрывался по совершеннейшим пустякам. Видимо, характер повлиял и на отношения с женщинами. Глеб находился в глубоком разводе, детей не имел, а от разговоров на любовную тематику старался уходить. С алкоголем тесную дружбу не водил и спортивный режим не нарушал. Если выпивал, то всегда знал меру. Привезенная с собой «читалка» с сотней серьезных книг намекала, что с интеллектом у Глеба полный порядок. «Неотесанный болван» — это не про него.

Роман астеничным юношей тоже не был. С пяти лет секция плавания, потом вольной борьбы. Но борьба длилась недолго — отчис-

лили за то, что сломал сопернику ключицу. Вины его никакой — чисто спортивная травма, но соперник приходился внуком крупному чиновнику, поэтому на ковер Рому больше не пускали. Несколько лет назад, во время учебы в Питере, в электротехническом, увлекался греблей и настольным теннисом. И сегодня старался поддерживать форму, регулярно выбираясь в тренажерный зал. Но рядом с Глебом все равно проигрывал. Как качок-самоучка рядом с чемпионом мира по бодибилдингу. И ведь никаких биостимуляторов, только натура. Рома вообще понять не мог, зачем Глеб в свое время подался в менты. С его данными вполне можно сделать карьеру в более приличном месте. В кино, например,— если, разумеется, кино считать более приличным местом. Или в охранном предприятии. А так — обычный опер.

Рома никакого звонкого прозвища не имел, только банальное Фока, производное от фамилии Фокин.

— Доска промокла,— заметил экс-борец, поправляя сетку,— отскока не будет.

— Плохому танцору — собачья смерть...

Глеб привычным жестом прокатал шарик ракеткой по столу и, послушав звук, удовлетворенно кивнул.

— На подачу!

Ящерка со стенда наблюдала за шариком, в результате у нее закружилась голова, и она грохнулась в траву, зацепив в полете хвостом бороду одного из находящихся во всероссийском розыске «профессионалов».

Игра в настольный теннис на самодельном столе, поверхность которого ведет свою родословную от двери полусгнившего сарая, а рельефом местами напоминает морду шарпея, требовала от участников максимальной концентрации. Шарик проявлял порой подлинные чудеса изобретательности, отскакивая совершенно непредсказуемо и хитроумно уворачиваясь от вроде бы правильно подставленной ракетки. Сэр Исаак Ньютон, наблюдай он за поединком, ни за что бы не поверил, что угол падения может быть равен углу отражения. Хотя бы приблизительно. Так что реакция — реакцией, но и везение в такой игре не последнее дело.

Фортуна же, женщина хоть и капризная, но — женщина, а потому благоволит, в первую очередь, к мужчинам сильным. Рома с огромным трудом отбивался от настойчивых атак друга. Халк-Туманов дубасил по шарикку почти с детским азартом, рычащими воплями приветствуя каждый удачный удар и отчаянно ругаясь, угодив в сетку или мимо стола. Вопли раздавались значительно чаще ругательств.

— Жестче ракетку ставь! Жестче! — командным тоном подсказывал Глеб. — Шарик не женщина, гладить не надо! Соберись, салабон!

Совет не помогал. Спасти Рому могло только чудо или купленный судья. Но рубились без суждения.

И чудо свершилось. Вернее, явилось. В миру это чудо именовалось Лехой Котовым, а в отряде служило инспектором спецсвязи. По должности ему был положен оперативный псевдоним Музыкант, но жизнь, как часто бывает, внесла в типовые рекомендации неизбежные коррективы. Высокого и тучного Котова бойцы сразу прозвали Хатхи — по имени известного киплингковского персонажа. Ассоциация со слоном льстила инспектору. Леха даже не подозревал, что громкому прозвищу обязан отнюдь не богатырской комплекции, как он сам искренне полагал, а двум огромным, малиновым от соответствующих злоупотреблений ушам, торчавшим по обе стороны непропорционально маленькой, наголо обритой головы.

Выйдя из персонального вагончика, инспектор привычным маршрутом, по деревянным мосткам двинулся в сторону сортира, продолжая при этом разговаривать по мобильнику:

— Врежь ему с оттяжкой по затылочку... А я тебе говорю, есть такой педагогический

прием!.. Ничего страшного, от подзатыльников еще никто не умирал... А ты скажи: пусть радуется, что ты его lupишь, а не батя. Батя приедет... В какой суд?.. Че-го?! Я ему, засранцу, покажу суд!

Крак!.. Шарик, неудачно отскочив от Роминой ракетки, плюхнулся точно под ноги Лехе и в следующее мгновение был безжалостно придавлен к доске берцем сорок шестого размера. Шансов выжить у него было не больше, чем у лягушки, угодившей под валик асфальтоукладчика.

Неприличное слово женского рода из пяти букв синхронно вырвалось из уст теннисистов и так же синхронно достигло гигантских локаторов Хатхи.

Котов замер, словно наступил на мину-лягушку, после осторожно опустил голову. Убедившись, что мины под берцем нет, лениво приподнял ногу. Бесформенный кусок целлулоида, прилипший к подошве, впредь нельзя было именовать шариком даже из вежливости. И старый детский способ — опускание в кипяток — ему не поможет.

— Последний... — констатировал Глеб. — Что ж ты наделал, убийца?

— Не хрен разбрасывать где попало! — бесстрастно парировал истребитель спортивного инвентаря и тут же, спохватившись, вернулся к прерванному разговору с супругой: — Не,

Люд, это я не тебе... Это про шарик... Ты что, очумела — какие бабы?! Нет у нас никаких баб!

— Есть! — мстительно повысил голос Туманов.— Повариха и медсестра! Симпатишные!

Котов испуганно зажал мобильник ладонью, затем вовсе отключил связь.

— Сдурел?! Вы со своим долбаным пинг-понгом меня под развод подведете.

— Пинг-понг тут ни при чем,— заступился за любимый вид спорта Рома,— настоящее чувство должно быть выше мелких подозрений.

— Вот на своей жене и проверь!

— Ты от темы-то не уходи,— перебил Глеб, возвращая разговор к истокам.— Сорвал, можно сказать, спортивное мероприятие, а на роже — ни грамма покаяния... Ты хоть понимаешь, что, лишившись культурного досуга, мы вынуждены будем компенсировать духовный вакуум алкогольным интерактивом. И успех контртеррористической операции окажется под угрозой срыва.

— Ни хрена с твоим контртеррористическим досугом не случится.

— Уже случилось! Давай ремонтируй!

Инспектор снисходительно поморщился.

— Короче, надень курточку и сходи к Бинскому¹... Ты памятник дедушке Ленину на

¹ «Надень курточку и сходи к Бинскому» — цитата из фильма «Адъютант его превосходительства».